

Чингиз Айтматов

—

Ранние журавли
Повести

Москва
2024

УДК 821.161.1-31(575.2)
ББК 84(5Кирг)6-44
А36

Оформление серии *С. Костецкого*

В оформлении переплета использована фотография:
Wirestock Creators / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Айтматов, Чингиз Торекулович.

А36 Ранние журавли : повести / Чингиз Айтматов. —
Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Яркие страницы).
ISBN 978-5-04-224945-7

Чингиз Айтматов (1928–2008) — советский киргизский писатель, поднимающий в своих произведениях общечеловеческие и философско-нравственные проблемы.

В книгу вошли его повести о любви, взрослении в трудные военные годы и налаживании жизни после войны («Джамиля», «Ранние журавли», «Первый учитель»), а также философская притча «Прощай, Гульсары!».

УДК 821.161.1-31(575.2)
ББК 84(5Кирг)6-44

ISBN 978-5-04-224945-7

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

РАННИЕ ЖУРАВЛИ

Сыну Аскар

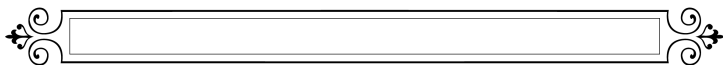
Акса́й, Кокса́й, Са́рысай — земли
обошел,
Но нигде такую, как ты, не нашел...

Киргизская народная песня

И приходит к Иову вестник и говорит:
«А отроков сразили острием меча...»
Книга «Иова»

Вновь и вновь пахари пашут поле,
Вновь и вновь бросают зерно в землю,
Вновь и вновь дожди посылает небо...
... ..
С надеждой люди пашут поле,
С надеждой люди семена сеют,
С надеждой люди уходят в море...

«Тхерагатха» 527–536.
Из памятников древнеиндийской
литературы

1

Озябшая, закутанная в грубовязаную шерстяную шаль, учительница Инкамал-апай рассказывала на уроке географии о Цейлоне, о том сказочном острове, что находится в океане близ берегов Индии. На школьной карте этот Цейлон выглядел каплей под выменем большой земли. А послушаешь — чего там только нет: и обезьяны, и слоны, и бананы (фрукты какие-то), и чай самый лучший в мире, и всякие другие диковинные плоды, и невиданные растения. Но самое завидное — жара там такая, что живи себе и круглый год в ус не дуй: ни тебе сапог, ни шапки, ни портянок, ни шубы не нужно совсем. А дрова и вовсе ни к чему. А раз так, не надо ходить в поле за кураем, не надо таскать на себе, согнувшись в три погибели, тяжеленные вязанки хвороста домой. Вот где жизнь! Ходи себе как ходится, грейся на солнце, а нет — прохлаждайся в тени. Днем и ночью на Цейлоне теплынь, благодать, лето за летом идет. Купайся себе сколько влезет, хоть с утра и до вечера. Надоест — ну тогда птицеверблюдов¹ гоняй, птицеверблюды-то там водятся, непременно должны водиться, где же им еще быть, этим огромным и глупым птицам. Умные птицы на Цейлоне — пожалуйста, тоже есть: попугай. Захочешь — поймаешь попугая, научишь его петь и смеяться, а заодно и танцевать. А что — попугай такая птица, все может. Говорят, есть попугаи, которые читать умеют. Кто-то из айльных сам видел на джамбулском ба-

¹ Птицеверблюды (страусы) — туюкуш (*тюркск.*).

заре читающего попугая. Газету поднесешь попугаю, он и шпарит без запинки...

Да, чего только нет на Цейлоне, каких только чудес. Живи себе и ни о чем не думай. Главное, не попадаться при этом на глаза баю-плантатору. Тот с кнутом ходит. Цейлонцев по спине стегает, как рабов. Угнетатель! Ха, да ему врезать в ухо так, чтобы в глазах засветилось. Кнут отобрать, а самого заставить работать. И никаких поблажек эксплуататорам и разным другим капиталистам, никаких разговоров: работай сам за себя, и все! Известно, от них ведь и фашисты происходят... Вот и война оттого... Сколько уже людей в аиле погибло на фронте. Мать каждый день плачет, не говорит ничего, а плачет, боится, что отца убьют. А соседке сказала: куда я, говорит, тогда с четьрьмя...

Поеживаясь в стылом классе, терпеливо переживая приступы кашля у ребят, Инкамал-апай продолжала рассказывать про Цейлон, про моря, про жаркие страны. Веря и не веря услышанному (уж очень распрекрасно получалось в тех краях), Султанмурат искренне жалел в тот час, что живет не на Цейлоне. «Вот где жизнь!» — думал он, поглядывая краем глаза в окно. Это он умел. Вроде смотрит на учителя, а сам любитесь в окно. Но за окном ничего особенного не происходило. За окном непогодило. Снег сыпал жесткой, секущей крупую. Снежинки тупо шуршали, скреблись, ударяясь в стекла. На стеклах наросла наледь. Помутнели окна. Замазка по краям оконных переплетов взбухла от холода, местами обвалилась на подоконник, залитый чернилами. «На Цейлоне, наверно, и замазка не нужна, — думал он. — А зачем она? Да и окна к чему, да и домов самих не нужно. Соорудил себе шалашик, накрыл листьями — и живи...»

От окна все время поддувало, слышно было даже, как ветер посвистывает украдкой в щелях рамы, уж очень холодило правый бок от окна. Придется терпеть. Инкамал-